
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ИХЪ ИДЕАЛЫ.

Vox legis—vox populi.

Vox populi—vox Dei..

ПРЕДИСЛОВІЕ.

17 октября 1905 года Россія вступила на новый путь государственной жизни. Разницу между старой и молодой Россіей можно передать въ двухъ словахъ: прежде русскіе подданные были для Россіи, теперь Россія для русскихъ подданныхъ.

Принципъ: личность для государства, лежалъ въ основѣ еще античнаго государства. Последнее мыслилось какъ единство, цѣльность и личность; а индивидъ былъ лишь его частью и самостоятельнаго значенія не имѣлъ. Государство не переставало поглощать его даже и тогда, когда онъ пользовался политическими правами ¹⁾. Оно обременяло гражданина всевозможными обязанностями, но не признавало за нимъ никакихъ правъ. Всѣ права принадлежали государству. Такой типъ государства перешелъ въ Европу, причемъ Европа пошла еще дальше. Монархъ европейскій явился законодателемъ, чѣмъ не былъ монархъ античный. „Деспотъ,—говоритъ Вильсонъ, извѣстный американскій государствовѣдъ ²⁾,—издавалъ эдикты, т. е. указы, примѣнявшіеся къ тому или другому случаю, къ тому или другому

¹⁾ Объясненіе этой видимой странности можно найти у М. Ковалевскаго (Ученіе о личнхъ правахъ. 1905. Стр. 7—8) и у Вильсона (Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. 1905. Стр. 519—520).

²⁾ Государство. Стр. 516.

отдѣльному лицу, но только римскіе императоры первые стали опубликовывать „конституціи“, т. е. кодексы общаго характера, примѣнявшіеся вообще. Современный монархъ можетъ сдѣлать болѣе. Онъ можетъ регулировать единственно своею волею не только дѣла публичнаго характера, но и частныя дѣла,—онъ можетъ даже устранить мѣстные обычаи и подчинить всѣхъ своихъ подданныхъ контролю однообразнаго законодательства. Онъ одинъ не обязанъ сохранять свои собственные законы. Одно слово—одно его слово можетъ сдѣлать изъ нихъ бѣлый листъ бумаги; одно слово могло ихъ уничтожить и снова вызвать къ дѣйствию. Онъ имѣетъ абсолютную власть не только надъ своими подданными—древніе монархи также имѣли такую власть,—но надъ всѣми законами, чего не имѣлъ ни одинъ монархъ античнаго міра “. Людовикъ XIV, сказавшій свое знаменитое: „государство это я“, вовсе не игралъ словами. Не даромъ итальянцы называли французскаго короля *re delle bestie*, т. е. королемъ животныхъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что основаніе другому порядку вещей было положено христіанствомъ, не тѣмъ христіанствомъ, которое говорило устами византійскихъ, римскихъ и многихъ другихъ епископовъ, услужливо клавшихъ камни въ зданіе государства, но тѣмъ, которое заключено въ Новомъ Завѣтѣ. Даже Ветхій Завѣтъ сдѣлалъ не мало, что бы свести восточнаго деспота съ его высокаго пьедестала. Во власти царя онъ видѣлъ поправленіе правъ Іеговы и правъ народа. Да онъ никогда и не мыслить его неограниченнымъ. Рядомъ съ царемъ и выше его ставилъ онъ другой органъ, передъ которымъ должны были смиренно склониться еврейскіе цари. И можетъ быть никакимъ царямъ въ мірѣ не приходилось такъ часто быть въ положеніи наказаннаго школьника, какъ царямъ еврейскимъ. Но еще болѣе было отнято у государственной власти христіанствомъ. Христіанство открыло въ человѣкѣ цѣлый міръ, гораздо большій, чѣмъ тотъ, съ которымъ носилось и которымъ кичилось государство. Открывъ и создавъ этотъ міръ, оно поставило его непосредственно передъ самими Небомъ. Государство оказалось въ сторонѣ. Оно было безправнымъ въ этомъ мірѣ. Можетъ быть никогда такъ ясно не была ограничена власть монарха, какъ словами: Божіе—Богу

кезареву—кесарю. Но потребовалось много новыхъ условій, чтобы эта идея превратилась въ силу. Только тогда, когда папство перестало гипнотизировать умы и сердца своихъ забитыхъ овецъ, она принесла свои плоды. „Идея законнаго установленія неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ правъ индивида, говоритъ гейдельбергскій профессоръ Еллинекъ, не политическаго, а религіознаго происхожденія... Ея первымъ апостоломъ былъ не Лафайетъ, а тотъ Рожеръ Вильямсъ, который, будучи охваченъ глубокимъ энтузіазмомъ, переселился въ пустыню, чтобы тамъ основать царство религіозной свободы ¹⁾“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же ученый говоритъ: „ученіе о прирожденномъ правѣ свободнаго исповѣданія возникаетъ въ средѣ англійскихъ и шотландскихъ конгрегационалистовъ и индепендентовъ подъ вліяніемъ борьбы за реформаціонныя идеи... Petition of Right (1628) и Bill of Right (1689) являются первыми предвѣстниками идеи кодификаціи всѣхъ публичныхъ правъ индивида... Такимъ образомъ уже въ XVII в. было санкціонировано общее право человѣка, основаніемъ которому служить не великая хартія или позднѣйшіе англійскіе законы, а совѣсть человѣка, которую реформація возвысила на степень высшаго судьи въ вопросахъ вѣры“ ²⁾. „Идея писаной конституціи, говоритъ Градовскій, не французскаго происхожденія, какъ это долго думали и писали, Это—американская, точнѣе англійская и пуританская“ ³⁾. Принципъ церковной индивидуальности былъ переносимъ въ политическую жизнь не только въ теоріи, но и на практикѣ. Въ 1620 г. пилигриммы конгрегационалисты заключили общій договоръ на кораблѣ „Майскій цвѣтокъ“, причемъ обязались объединиться въ одну политическую общину съ выборными правителями и общинными законами ⁴⁾. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что государство обнаруживаетъ съ того времени стремленіе превратиться въ церковь. Человѣкъ сталъ святыней. Онъ не часть только государственнаго цѣлаго, не дробь политической единицы, а само цѣлое.

¹⁾ Политическій строй современныхъ государствъ. I. Сборникъ статей Виноградова, Гессена и др. 1905. Стр. 56.

²⁾ Право современнаго государства. 1903. Стр. 263—269. Ср. Вильсонъ. Государство. Стр. 520—522.

³⁾ Политическій строй совр. государствъ. Стр. 70.

⁴⁾ *ibid.* Стр. 71.

единое. Центр тяжести государственной жизни начинает переходить отъ абстрактнаго цѣлаго къ конкретнымъ единицамъ, отъ государства къ индивиду. Теперь не личность для государства, а государство для личности. Личность получаетъ права къ государству, государство принимаетъ на себя обязанности по отношенію къ личности. Выражаясь юридически, и личность, и государство стали въ одно и тоже время субъектами и объектами какъ правъ, такъ и обязанностей. Другими словами: государственный строй сталъ правовымъ. А такъ какъ права личности къ государству и соотвѣтствующія имъ обязанности государства могутъ быть гарантированы единственно въ томъ случаѣ, когда воля правительства связана обязательнымъ для него закономъ, который можетъ быть измѣненъ лишь съ согласія самого народа въ лицѣ его представителей, то правовой строй является непременно конституціоннымъ. Правовой строй осуществленъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ; а съ 17 октября 1905 г. онъ введенъ въ Россіи.

Введеніе конституціонной формы правленія, обязывающей каждаго гражданина къ дѣятельному участию въ политической жизни страны, естественно вызвало у насъ образованіе политическихъ партій, ставящихъ своею задачею пріобрѣтеніе преобладающаго вліянія на государственное управленіе и осуществленіе своихъ политическихъ и соціальныхъ идеаловъ. Одни изъ этихъ партій (реакціонныя) мечтаютъ вернуть старый политическій и соціальный строй, осужденный уже самимъ правительствомъ, другія (консервативныя) стоятъ за сохраненіе существующаго преобразованнаго строя, третьи (прогрессивныя и радикальныя) требуютъ дальнѣйшаго его измѣненія на началахъ демократическихъ. Къ первымъ принадлежитъ монархическая партія, ко вторымъ — партія 17 октября, партія правового порядка и др., къ третьимъ — партія конституціонно-демократическая, радикальная и социалистическія. Что служить центромъ всѣхъ партій и откуда начинаются правыя и лѣвыя, точно опредѣлить нельзя въ настоящее время вслѣдствіе неопредѣленности программы, которой намѣрено держаться наше правительство.

Однако въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ совершившійся въ Россіи политическій переворотъ засталъ большую часть населенія весьма мало подготовленной къ выпавшей на ея

долю политической роли. Благодаря стѣсненіямъ свободы слова и печати многіе даже интеллигентные люди (напр. сельское духовенство) лишены были возможности познакомиться съ существующими политическими и социальными воззрѣніями и потому затрудняются теперь дать себѣ ясный отчетъ въ теоретическихъ обоснованіяхъ различныхъ политическихъ программъ и ихъ сравнительныхъ достоинствахъ. Вниманію тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые до сихъ поръ не занимались политическими и социальными вопросами, мы и предлагаемъ настоящую статью. Для большей ясности и во избѣжаніе повтореній мы рассмотримъ сначала социально-экономическія, а затѣмъ политическія программы важѣйшихъ партій. Съ социальныхъ начнемъ потому, что онѣ въ значительной степени опредѣляютъ собою и политическія программы.

Соціальный вопросъ.

Еслибы раздѣлить, говорить Гобсонъ, все національное богатство Англіи поровну между всѣми англійскими семьями, то на каждую семью пришлось бы по 172 фунта стерл. (около 1700 р.) въ годъ,—сумма, на которую можно устроить сытую и обеспеченную жизнь. Между тѣмъ въ этой богатѣйшей странѣ, съ населеніемъ въ 38 милліоновъ жителей, только 11 милліоновъ живутъ въ достаткѣ, остальные 27 милліоновъ на краю голода. Напримѣръ въ восточномъ Лондонѣ по изслѣдованіямъ генерала „Арміи спасенія“ Бутси, изъ 892 тысячъ жителей—11 тысячъ представляютъ собою существа, почти не похожія на людей, дикія, отошалаыя, озлобленныя. Чѣмъ они живы, въ точности даже опредѣлить невозможно. Въ общемъ изъ жителей восточнаго Лондона 77 % погружены въ безпросвѣтную нужду. А каковы квартиры, какова пища лондонскихъ рабочихъ, объ этомъ лучше не говорить ¹⁾. Подобная картина, картина чрезмѣрнаго богатства, ослѣпительной роскоши, безграничнаго произвола и деспотизма, безчеловѣчной эксплуатаціи—съ одной стороны, голода, нищеты, угнетенія, безправія—съ другой, является непремѣннымъ спутникомъ культуры и съ дальнѣйшимъ развитіемъ

¹⁾ Въра и Разумъ. 1902. № 1. Стр. 34—35.

ея принимаетъ повидимому все болѣе мрачный и угрожающій характеръ. Разумъ и совѣсть человѣка одинаково возмущены этимъ вопіющимъ неравенствомъ людей, доходящимъ до фактическаго отрицанія достоинства человѣческой личности, до полнаго попранія священныхъ человѣческихъ правъ. Они убѣждены, что эта аномалія должна быть уничтожена; но какъ, какими средствами сдѣлать это? Самый простой и рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ социализмъ, предлагающій частное хозяйство замѣнить общественнымъ. Хотя современный социализмъ, положенный въ основу социалистическихъ программъ, рѣзко отличается отъ древняго-утопическаго социализма, тѣмъ не менѣе онъ заключаетъ въ себѣ не мало утопическихъ элементовъ и въ послѣднее время начинаетъ обнаруживать нѣкоторую тенденцію снова перейти въ утопическій коммунизмъ. Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ и объ этомъ послѣднемъ.

Утопическій социализмъ ¹⁾.

Появившаяся въ 1516 г. „Утопія“ Томаса Мора рисуется фантастическую картину земледѣльческой республики, въ которой нѣтъ ни собственности, ни денегъ, ни торговли. Всѣ утопійцы живутъ въ одинаковыхъ домахъ, шесть часовъ проводятъ за работой, свободное время посвящаютъ литературнымъ чтеніямъ, публичнымъ лекціямъ и отдыху. Свои произведенія они свозятъ въ особые кладовыя, откуда заимѣвъ ихъ получаютъ все нужное для потребленія. Утопійцы набожны; у нихъ великолѣпные храмы и выборное духовенство. Они чтутъ святость брака и сурово наказываютъ нарушеніе супружеской вѣрности. Другой утопистъ, доминиканецъ Кампанелла, въ своемъ социалистическомъ романѣ „Солнечный градъ“, изданномъ въ 1620 г., идетъ еще далѣе, проповѣдуя полный коммунизмъ до общности женъ включи-

¹⁾ Подробное изложеніе исторіи утопическаго социализма можно найти въ слѣдующихъ изданіяхъ: Д. Шегловъ. Исторія социальныхъ системъ 1—2 т. 1886 и 1889 г.—Карѣвъ. Исторія Западной Европы въ новое время. IV и V т.—Зомбартъ. Социализмъ и социальные движенія въ XIX столѣтіи. 1902 г.—Н. Стеллецкій. Труды К. Д. Ак. 1904. Авг., Сент. и Ноябрь.

тельно. Власть у него регулируетъ сожитіе мужчинъ и женщинъ, стараясь соединить индивидовъ различныхъ физическихъ типовъ и характеровъ. Это необходимо, по мнѣнію его, затѣмъ, чтобы устранить изъ жизни человѣческой эгоизмъ и дурныя инстинкты, воспитать любовь къ людямъ и братство. Всѣ эти и подобныя социалистическія воззрѣнія были слишкомъ фантастичны, слишкомъ мало считались съ дѣйствительностью, чтобы имѣть какое нибудь жизненное значеніе. Они впервые приобрѣли таковое съ начала XIX в., когда въ системахъ Сень-Симона, Фурье и др. стали по-коиться на изученіи экономической жизни.

Раздѣливъ всѣхъ людей на „тунеядцевъ“ и „рабочихъ“, т. е. вообще труженниковъ, Сень-Симонъ находилъ, что современное общество „есть воистину свѣтъ на изнанку, такъ какъ тѣ, которые представляютъ собою политическую полезность, поставлены въ подчиненное положеніе по отношенію къ людямъ неспособнымъ, невѣжественнымъ и безнравственнымъ“. Если бы Франція потеряла вдругъ 3000 первыхъ своихъ физиковъ, химиковъ, ученыхъ, художниковъ, ремесленниковъ и т. д., нація осталась бы тѣломъ безъ души: внезапная же смерть 3000 человѣкъ другого рода—членовъ королевскаго дома, сановниковъ, богатыхъ собственниковъ и под. не принесетъ государству никакого вреда. Отсюда государство должно направлять свою дѣятельность на улучшение быта рабочихъ, на достиженіе возможно большаго экономического равенства. „Цѣлью нашего вѣка, говорилъ Сень-Симонъ, должны быть гуманность и братство“. Средствомъ для этого должно служить уничтоженіе индивидуальнаго производства, вносящаго всеобщую конкуренцію и анархію, и организація производства на принципѣ ассоціаціи, которая посредствомъ общественной власти регулировала бы всякое производство. Эта мысль еще яснѣе и опредѣленнѣе была выражена Луи Бланомъ въ его „Организаціи труда“, появившейся въ 1839 г. Всѣ бѣдствія современной цивилизаціи Луи Бланъ объясняетъ господствомъ свободной конкуренціи. Онъ требуетъ, чтобы разрозненныя предприятия были замѣнены ассоціаціями, руководимыми государствомъ и сосредоточивающими въ своихъ рукахъ всѣ отрасли производства. Эти ассоціаціи должны уравнивать плату для всѣхъ рабочихъ и преобразовать воспитаніе въ томъ смыслѣ, чтобы

мотивомъ дѣятельности каждаго было стремленіе не къ возможно большому личному доходу, а къ общему благу. Всѣ эти преобразованія полностью могутъ осуществиться лишь при господствѣ въ государствѣ рабочихъ. Проектъ Луи Блана былъ испытанъ въ урѣзанномъ видѣ. Было устроено нѣсколько рабочихъ ассоціацій съ равной для всѣхъ платой. Но усердія въ работѣ не оказалось. „Каждый находилъ выгоднымъ, чтобы его сосѣдь работалъ больше, и потому каждый возлагалъ надежды на другого“. Кромѣ того между рабочими развились недовѣріе, шпіонство и раздоры, прекратившіеся съ введеніемъ поштучной платы. Въмѣсто ожидаемаго равенства и братства ассоціаціи породили невыносимую тиранию и скоро должны были закрыться.

Въ то время какъ Сень-Симонъ и Луи Бланъ требовали, чтобы государственная власть преобразовала общественный строй путемъ внѣшняго принужденія, Фурье въ основу своей системы полагаетъ полную и безусловную свободу, съ совершеннымъ устраненіемъ какой бы то ни было принудительной силы. Онъ рассуждалъ такъ. Богъ далъ страстямъ большую интенсивность, большую силу, чѣмъ разуму. Это значить, что самъ Богъ предоставилъ страстямъ устройство общественной жизни. Если страсти и являются теперь „тиграми, выпущенными изъ клѣтокъ“, то только благодаря неправильному строю, да такъ называемымъ обязанностямъ, этимъ, „капризамъ философовъ“, заключеннымъ въ 400,000 томовъ глупыхъ книгъ. При нормальномъ же порядкѣ страсти будутъ дѣйствовать къ общей пользѣ всѣхъ людей и приведутъ человѣка къ счастью. Каковъ же долженъ быть нормальный порядокъ? Слѣдуетъ устроить, отвѣчаетъ Фурье, земледѣльческія колоніи или фаланги для каждыхъ 1500—1600 человѣкъ. На участкѣ должны производиться всѣ роды культуры, причемъ каждый пусть выбираетъ себѣ занятія по своему влеченію. Всѣ участники живутъ въ одномъ домѣ, фаланстерѣ, гдѣ помѣщаются храмъ, бібліотека, музыкальная комната, зимній садъ, телеграфъ и т. д. Чтобы больше заинтересовать рабочихъ трудомъ, слѣдуетъ чаще устраивать встрѣчи мужчинъ и женщинъ. Фурье сурово осуждаетъ современную брачную жизнь, въ которой человѣкъ находитъ вмѣсто удовольствій одни обязанности, „супружескую барщину“, и гдѣ благодаря этому вѣрной остается

лишь одна изъ ста, и то по невозможности быть невѣрной. Онъ рекомендуетъ для своихъ фалангъ свободную любовь почти безъ ограниченій, устанавливаетъ для этого особые вечерніе сеансы. Лучшими воспитательными средствами для дѣтей онъ считаетъ оперу и кухню: первая развиваетъ зрѣніе и слухъ, вторая—обоняніе и вкусъ. Самыя непріятныя обязанности онъ оставляетъ для „малыхъ ордъ“, т. е. для озарниковъ и озарницъ, которые по его ожиданіямъ не пойдутъ на дѣло, а побѣгутъ, полетятъ. Было не мало опытовъ осуществленія идей Фурье, особенно въ Америкѣ. Начало ихъ было блестящее, но конецъ жалокъ. Изъ нѣсколькихъ десятковъ фалангъ самая старая просуществовала 12 лѣтъ, нѣкоторыя же закрылись до истеченія года. Жизнь оказалась самымъ строгимъ критикомъ, какого только можно себѣ представить.

Послѣднимъ утопистомъ, въ которомъ замѣченъ уже поворотъ къ научному социализму, былъ знаменитый Ф. Лассаль. Онъ развивалъ социалистическіе взгляды въ духѣ Луи Блана. Выгода фабриканта состоитъ въ томъ, что онъ получаетъ не только вознагражденіе за трудъ, но кромѣ того и предпринимательскую прибыль. Чтобы рабочимъ досталась и эта послѣдняя, они должны сами основывать крупныя фабрики. Но необходимый для этого капиталъ имъ можетъ дать лишь государство. Чтобы склонить государство къ поддержанію рабочихъ капиталомъ, представители рабочаго класса должны составлять большинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Съ пріобрѣтеніемъ политическаго господства рабочіе, составляющіе самый бѣдный, угнетенный классъ, уничтожатъ всѣ классовыя различія и водворятъ въ государствахъ равенство и общее довольство. „Четвертое сословіе, говорилъ Лассаль въ лекціи, читанной въ 1862 г. рабочимъ, есть послѣднее и крайнее сословіе общества, сословіе бездоленное... Слѣдовательно, въ сердцѣ четвертаго сословія не можетъ быть зародыша новой привилегированности, и потому оно тождественно со *всѣмъ человѣческимъ родомъ*. Его дѣло есть дѣйствительно дѣло всего человѣчества, его свобода есть свобода *самого человечества*, его владычество есть владычество *всѣхъ*. Стало быть провозглашеніе идеи рабочаго сословія господствующимъ принципомъ общества не есть возгласъ раздѣленія и вражды классовъ общества: это

возгласъ *примиренія*... возгласъ *единенія*... возгласъ *любви*... Вы счастливы, господа, потому что вашъ истинный личный интересъ совпадаетъ съ жизненнымъ началомъ нравственного развитія... Высокая всемірно-историческая честь такого назначенія должна преисполнить собою все ваши помыслы. Пороки угнетенныхъ, праздныя развлеченія людей немнящихъ, даже невинное легкомысліе ничтожныхъ—все это теперь недостойно васъ. Вы—камень, на которомъ созидается перковъ настоящаго“ ¹⁾.

Научный социализмъ ²⁾.

Все социалисты—утописты въ своихъ предположеніяхъ о переустройствѣ человѣчества исходили изъ общихъ нравственныхъ идей справедливости, любви, равенства, смотрѣли на свои системы какъ на проекты, изобрѣтенные ихъ воображеніемъ, и ставили ихъ осуществленіе въ зависимость отъ доброй воли человѣка. Нѣкоторые изъ нихъ (напр. Фурье), сидя въ своихъ кабинетахъ, въ нарочно назначенные для сего часы ждали появленія добрыхъ людей, которые положили бы къ ногамъ ихъ свои капиталы для осуществленія социалистическихъ проектовъ. Не то представляетъ собою социализмъ современный, научный. На мѣсто нравственныхъ идей и свободной воли тутъ является неотвратимый историческій законъ; что казалось утопистамъ заманчивымъ идеаломъ, для

¹⁾ Принципы труда. Изд. „Колоколъ“. 1905 г. Стр. 35—46).

²⁾ Для болѣе подробнаго, но первоначальнаго ознакомленія съ теоріей научнаго социализма можно рекомендовать брошюры: Энгельсъ. Отъ утопіи къ научной теоріи. Изд. „Молоть“. 1905. Ц. 10 к.—Марксъ и Энгельсъ. Капитализмъ и коммунизмъ (Коммунистическій манифестъ). Изд. „Колоколъ“. 1905. Ц. 3 к.—Гэдъ. Коллективизмъ. Изд. „Впередъ“. 1905. Ц. 5 к.—Гэдъ и Лафаргъ. Чего хотятъ социаль-демократы? Изд. „Социал-демократъ“. 1905. Ц. 5 к.—Идеи марксизма въ германской рабочей партіи (Каутскаго и Шенланка). Изд. „Мол.“ 1905. Ц. 10 к.—Бебель. Академика и социализмъ. Изд. „Кол.“ 1905. Ц. 5.—Энгельсъ. Крестьянскій вопросъ во Франціи и Германіи. Изд. „Буревѣстникъ“. 1905. Ц. 15 к.—Тибкнехтъ. Два міра. Изд. „Бур.“ 1905. Ц. 15 к.

Для болѣе обстоятельнаго знакомства съ марксизмомъ необходимо прочесть: Каутскій. Комментарій къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда. Изд. „Молоть“. 1905. Ц. 20 к.—Каутскій. Экономическое ученіе К. Маркса. Перев. подъ ред. проф. Желѣзнова. 1905. Ц. 45 к. Эти книги дадутъ хорошую подготовку къ чтенію „Капитала“ Маркса.

достиженія чего они обращались къ гуманнѣйшимъ чувствамъ людей, то для научнаго социализма представляется неизбѣжнымъ слѣдствіемъ, неподлежащимъ сомнѣнію фактомъ будущаго, который рано или поздно непременно будетъ имѣть мѣсто въ исторіи совершенно независимо отъ воли человѣка. Научный социализмъ или „коллективизмъ“, говоритъ одинъ изъ виднѣйшихъ его представителей Ж. Гедъ, не поκειται ни на одномъ изъ апріорныхъ представленій о справедливости, свободѣ, равенствѣ или братствѣ; эти представленія входятъ по нашему мнѣнію въ область той метафизики, о которой Вольтеръ могъ сказать приблизительно слѣдующее: метафизика—тамъ, гдѣ два человѣка не могутъ понять другъ друга. Онъ уже не ссылается на „великодушныя чувства“ или „на стремленія къ благосостоянію“, которыя были во всѣ времена, но никогда не достигали цѣли, потому что не желанія человѣка правятъ міромъ, но міръ своими послѣдовательными, неизбѣжными преобразованиями создаетъ наши чувства, наши желанія, то, что называютъ еще нашимъ идеаломъ. Коллективизмъ опирается исключительно на экономическую эволюцію обществъ, являясь только ея фазой, неизбѣжнымъ и грядущимъ окончаніемъ“ ¹⁾. Превращеніе утопическаго социализма въ научный случилось благодаря двумъ „открытіямъ“ Маркса, одно изъ которыхъ составляетъ матеріалистическое пониманіе исторіи, другое—законъ „прибавочной цѣнности“. Законъ „прибавочной цѣнности“ вызоветъ переходъ современнаго капиталистическаго строя въ социалистическій, а матеріалистическое объясненіе исторіи представляетъ этотъ переходъ неотвратимымъ никакими сторонними силами, никакими новыми факторами.

По представленію Маркса и его послѣдователей вся исторія человѣчества создавалась исключительно на почвѣ экономическихъ условій. Производство продуктовъ и ихъ обмѣнъ—вотъ единственная реальная основа, на которой рождаются правовыя и политическія учрежденія, религіозныя, философскія и инныя идеи даннаго историческаго періода. Самыя общія контуры человѣческой исторіи съ этой точки зрѣнія представляются въ такомъ видѣ ²⁾.

¹⁾ Коллективизмъ. Стр. 3.

²⁾ См. подробнѣе: Каутскій. Развитіе государственнаго строя на западѣ. Перев. Львовича. 1905.—Егоже Національность нашего времени. 1905.

Какъ извѣстно первоначальная форма управленія у каждаго племени была въ полномъ смыслѣ демократической. Не имѣя никакого опредѣленнаго законодательства, руководствуясь традиціями, да указаніями стариковъ, племя само на общихъ собраніяхъ чинило судъ надъ виновными, разбирало тяжбы, устанавливало отношенія къ сосѣдямъ и т. д. На эти собранія сначала являлись и женщины и наравнѣ съ мужчинами подавали голоса. Но по мѣрѣ развитія домашней жизни и технического прогресса въ области домашнихъ работъ, женщина, съ самаго начала исторіи по какимъ то неяснымъ причинамъ избравшая себѣ завѣдываніе домомъ, все менѣе и менѣе имѣла времени и возможности участвовать на народныхъ собраніяхъ. Наоборотъ, присутствіе мужчины дома не было обязательно. Онъ могъ отлучаться на цѣлые дни и недѣли и безъ особаго ущерба для своего хозяйства отдаваться общественной жизни, а вмѣстѣ и общественнымъ пирушкамъ. Однако это продолжалось не слишкомъ долго. Охота, пастушество и войны,—главныя занятія племени на первыхъ ступеняхъ развитія, перестаютъ удовлетворять его потребностямъ и уступаютъ все болѣе и болѣе мѣсто земледѣлію. Силы женщины оказались уже недостаточными для выполненія хозяйственныхъ работъ. Ей по необходимости должны были помогать и мужчины. Новый способъ производства—земледѣліе—произвелъ переворотъ во всемъ политическомъ и социальномъ строѣ. Привязанный къ землѣ мужчина не можетъ уже на долгое время отлучаться изъ дому. Военское право становится для него теперь воинскою повинностью, очень для него обременительною. Для него выгоднѣе пожертвовать часть своего имущества для найма себѣ защитниковъ. Такъ зарождается каста воиновъ. Точно также и общественное управленіе, законодательство и судъ, по мѣрѣ того, какъ осложнялось общество, получило для членовъ общества характеръ повинности. У массы исчезла склонность и даже возможность посѣщать общественныя собранія. У нея явилась потребность перенести на другихъ свои политическія и судебныя обязанности. Эти обязанности за извѣстное вознагражденіе, освобождавшее отъ необходимости заниматься собственнымъ хозяйствомъ, были переданы частью воинамъ, частью спеціальнымъ лицамъ, изъ которыхъ возникали новые классы, жречество и аристократія. Пока

каждая община производила продукты для собственного потребленія, она жила обособленно отъ другихъ общинъ. Но съ развитіемъ производства, когда явилась возможность излишки производства вывозить за предѣлы общины или племени, начинается объединеніе какъ сельскихъ, такъ и городскихъ общинъ. На этой почвѣ возникаютъ цѣлыя государства и появляется идея національности. Но съ объединеніемъ городовъ и общинъ для населенія еще менѣе стало возможности являться на народныя собранія. Въ концѣ концовъ простые люди совершенно перестали бывать на собраніяхъ. Центральная власть совсѣмъ и не интересовалась ихъ присутствіемъ. Для нея имѣли значеніе лишь тѣ, отъ которыхъ она фактически зависѣла, дворянство и духовенство. Такъ народныя собранія превратились въ дворянскіе съѣзды. Дворянство и духовенство, экономически независимыя отъ короля, сильно ограничивали королевскую власть. Ограниченіе доходило до того, что управленіе страной фактически переходило въ руки представителей сильныхъ классовъ. Но тутъ на помощь королю явился капиталъ. Интересы капитала и государственной власти совпадаютъ. Государство защищаетъ производителей товаровъ и торговцевъ отъ конкуренціи иностранныхъ соперниковъ и стремится улучшить условія сбыта товаровъ на заграничныхъ рынкахъ. Чѣмъ сильнѣе государственная власть и государство, тѣмъ благопріятнѣе условія для производителей. Чѣмъ больше дѣлается территорія, занимаемая государствомъ, тѣмъ больше становятся выгоды капиталистовъ. Но чѣмъ быстрѣе развивается промышленность, чѣмъ больше овладѣваетъ она рынками внутри страны и за границей, тѣмъ болѣе увеличивается спросъ на рабочія руки, тѣмъ выше поднимается заработная плата. Такимъ образомъ и рабочій пролетаріатъ заинтересованъ въ развитіи капиталистическаго производства и усиленіи государственной власти. Последнее выгодно, наконецъ, и крестьянину, какъ скоро въ земледѣльческомъ хозяйствѣ получаетъ преобладаніе товарное производство. Чѣмъ выше стоитъ промышленность, чѣмъ меньше стѣснено товарное обращеніе внутри страны и за границей, тѣмъ выше также и плата, какую получаетъ крестьянинъ за свои продукты. Съ усиленіемъ государственной власти благодаря росту капиталистическаго производства, старинныя политическія и

соціальныя организаціи сами собою падаютъ. Ихъ функціи переходятъ постепенно къ государству. Государственная власть получаетъ возможность вмѣсто рыцарскихъ войскъ содержать собственныя войска, судебныя и административныя обязанности передать собственнымъ чиновникамъ. Дворянство и духовенство продолжаютъ получать свои привилегіи не за свои общественныя заслуги, а по милости царя. Ихъ долгъ теперь служить государю. Вмѣстѣ съ паденіемъ дворянства и духовенства, всѣ функціи, выполняемыя прежде общинами, какъ охрана личной безопасности, проведеніе дорогъ, устройство школъ и т. д., переходятъ теперь къ государству. Такъ возникаетъ государственный абсолютизмъ. Капиталистическій способъ производства былъ его творцомъ. Но онъ же выковалъ и оружіе противъ него. Государственный абсолютизмъ, покровительствующій капитализму, скоро оказался разсадникомъ пролетаріата и вмѣстѣ съ тѣмъ „грандіознымъ аппаратомъ для грабежа народа“. Тѣмъ и другимъ онъ сталъ вызывать недовольство населенія. Къ низшимъ эксплуатируемымъ классамъ присоединилась и буржуазія, въ которой одни (промышленники) были недовольны стѣсненіемъ ввоза сырыхъ матеріаловъ и предметовъ первой необходимости, другіе (земледѣльцы) наоборотъ желали свободнаго ввоза фабричныхъ издѣлій. Теперь уже не государственная охрана, а свобода стала лозунгомъ для буржуазіи. Подъ давленіемъ новыхъ экономическихъ условій абсолютизмъ начинаетъ уступать свое мѣсто демократическому правленію.

Но капиталистическій способъ производства скрываетъ въ себѣ оружіе не только противъ государственнаго абсолютизма, но и противъ себя самого. Въ самой сущности его лежитъ зародышъ неминуемой его гибели, источникъ новаго способа производства и новаго общественнаго строя, именно коллективистическаго. Въ чемъ же причина гибели капитализма? Въ законѣ прибавочной цѣнности.

Въ средніе вѣка повсюду было развито мелкое производство, при которомъ каждый труженникъ пользовался правомъ собственности на средства производства. Въ деревняхъ господствовало тогда земледѣліе мелкихъ крестьянъ, въ городахъ—ремесло. Орудія труда или средства производства, т. е. земля, земледѣльческія орудія и инструменты ремесленниковъ, принадлежали самимъ работникамъ и потому по

своимъ размѣрамъ были невелики и ограничены. Продукты этого труда предназначались для собственнаго потребленія. Но благодаря раздѣленію труда, особенно примѣненію машины, трудъ пересталъ быть личнымъ; онъ сталъ общественнымъ. На смѣну прялкѣ, ткацкому станку и кузнечному молоту явились прядильная машина, механическій ткацкій станокъ и паровой молотъ; а вмѣсто мелкихъ мастерскихъ народились фабрики, требующія сотенъ и тысячъ людей. Со времени введенія парового плуга, жатвенныхъ машинъ и пр. надъ обработкой земли стали трудиться обширныя группы всевозможныхъ рабочихъ. Такимъ образомъ собственность по прежнему оставалась личной, а трудъ сталъ общественнымъ. Продукты труда предназначались уже не для собственнаго потребленія, а для продажи.

Общественное производство, вызванное примѣненіемъ машины, чрезвычайно увеличило производительность труда. Напримѣръ жакардовскій ткацкій станокъ увеличилъ производительность работы одного ткача на 350%. Въ работѣ отдѣленія хлопка отъ сѣмени одинъ человѣкъ при помощи новѣйшихъ машинъ производить теперь работу 1000 человѣкъ ¹⁾. Машины такимъ образомъ представляютъ собою ту же рабочую силу, что и человѣкъ. Работа, производимая всѣми паровыми машинами земного шара, 10 лѣтъ назадъ равнялась работѣ 1000 милліоновъ человѣкъ ²⁾. Благодаря непобѣдимой конкуренціи машинъ трудъ человѣка становится менѣе необходимымъ, какъ по количеству, такъ и по качеству. Человѣческая рабочая сила вытѣсняется нечеловѣческой рабочей силой машины. Каждое усовершенствованіе машины составляетъ гибель для цѣлаго разряда рабочихъ. Въ англійскомъ хлопчатобумажномъ производствѣ, вырабатывавшемъ до введенія машинъ въ періодъ времени отъ 1814 до 1822 г. только 106 т. фунтовъ пряжи и 80 т. ф. тканей, работало 445 т. человѣкъ, составлявшихъ $\frac{1}{37}$ всего населенія. Въ 1880—82 г. благодаря машинному производству 1,224 т. ф. пряжи 993 т. тканей выработало 686 т. человѣкъ, составлявшихъ $\frac{1}{50}$ народонаселенія. Производство хлопчатой бумаги повысилось такимъ образомъ на 1231%,

¹⁾ Гэдъ Коллективизмъ. Стр. 5.

²⁾ Каутскій. Комментарій. Стр. 16.

а число людей, которые жили этимъ производствомъ, уменьшилось на 25⁰ о. Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1845 г. 45 т. сапожниковъ производило 70 миллионовъ паръ, а въ 1875 г. при утроившемся почти населеніи 48 т. людей всѣхъ возрастовъ и обоего пола производило 445 миллионовъ паръ ¹⁾. Такимъ образомъ благодаря усовершенствованію машинъ спросъ на рабочія руки постоянно уменьшается, наоборотъ предложеніе рабочей силы, благодаря увеличенію населенія и вслѣдствіе вовлеченія въ промышленность женщинъ и дѣтей, постоянно увеличивается. Возникающая отсюда конкуренція, оставляя безъ работы цѣлыя массы людей (такъ называемую „резервную армію“), въ тоже время понижаетъ и заработную плату.

Заработная плата никогда не составляетъ всей стоимости самого труда, т. е. расходуемой на него рабочей силы. Если собственный производитель пользуется всей стоимостью продуктовъ, то рабочій, продавая свою рабочую силу, получаетъ, лишь часть стоимости своего труда, и благодаря конкуренціи рабочихъ только ту часть, которая безусловно необходима для его существованія и воспроизведенія. Другая часть ея поступаетъ владѣльцу капиталисту. Если бы рабочій получалъ всю стоимость производимыхъ продуктовъ, то предпринимателю не было бы никакой выгоды продолжать свое дѣло. Это присвоеніе капиталистами неоплаченного чужого труда, это поступленіе „прибавочной цѣнности“ или прибыли въ пользу капиталистовъ и составляетъ тайну капиталистическаго производства. Въ Англіи, напримѣръ, на заработную плату расходуется 7 миллиардовъ при годовичномъ производствѣ въ 29 миллиардовъ ²⁾.

Благодаря закону прибавочной цѣнности капиталъ имѣетъ естественное стремленіе къ накопленію и къ концентраціи въ немногихъ рукахъ. Чѣмъ значительнѣе капиталъ, тѣмъ больше доставляемая имъ прибыль, тѣмъ менѣе имѣетъ возможность конкурировать съ нимъ сравнительно небольшой капиталъ. Производство въ крупныхъ размѣрахъ дѣлаетъ все болѣе и болѣе затруднительнымъ, почти невозможнымъ, совмѣстное существованіе съ нимъ мелкаго производства.

¹⁾ Гэдъ. Коллективизмъ. Стр. 11.

²⁾ Гэдъ. Коллективизмъ. Стр. 12.

Тамъ, гдѣ капиталистическій способъ производства овладѣвалъ какимъ либо ремесломъ, онъ благодаря удешевленію своихъ товаровъ уничтожалъ всѣ прежнія средства производства. Послѣднія все болѣе и болѣе обезцѣнивались, и сравнительно мелкимъ собственникамъ ничего не оставалось, какъ поступить въ ряды рабочихъ. Такъ исчезаетъ постепенно средній классъ общества, служащій какъ бы буферомъ, препятствующимъ столкновенію пролетаріата съ капиталистами. Исчезаютъ мелкіе промышленники и мелкіе торговцы. Эта неизбежная, непреодолимая никакими средствами эволюція ускоряется вслѣдствіе періодически повторяющихся экономическихъ кризисовъ, происходящихъ отъ перепроизводства товаровъ. Доведенная до крайности способность современныхъ машинъ къ усовершенствованію начинаетъ играть роль принудительнаго закона для каждого промышленника, заставляя его непрерывно улучшать свои машины и увеличивать ихъ производительную силу. Онъ спѣшитъ обратить свои капиталы въ промышленныя предпріятія, не имѣя ни желанія, ни возможности въ точности учесть будущій спросъ на свои продукты. Между тѣмъ способность рынковъ къ расширенію подлежитъ совершенно инымъ законамъ. Благодаря этому время отъ времени разражаются страшные кризисы. Торговля приостанавливается, всѣ рынки переполняются, продукты скопляются въ огромныхъ количествахъ, наличныя деньги какъ бы исчезаютъ, фабрики прекращаютъ свою дѣятельность, одно банкротство слѣдуетъ за другимъ. Въ результатъ всего бываетъ поступленіе многихъ сравнительно мелкихъ собственниковъ въ ряды пролетаріата, увеличеніе резервной арміи, голодъ, нищета и смерть, и все это, какъ ни странно, отъ избытка продуктовъ. Въ Германіи въ 1882 г. на 100 человекъ приходилось 34, 4 самостоятельныхъ предпринимателя, а въ 1895 г. только 24, 9; тоже и въ торговлѣ: число самостоятельныхъ торговцевъ упало съ 44, 6 въ 1882 г. до 36, 6 въ 1895 г. ¹⁾ Число рабочихъ, занятыхъ въ мелкихъ промышленныхъ предпріятіяхъ, составляло въ 1882 г. 59% всего числа рабочихъ, въ 1895 г. оно составляло только 46%; число же рабочихъ въ крупномъ производствѣ, напротивъ того, удвоилось. Въ Англіи послѣд-

¹⁾ Бебель. Академики и социализмъ. Изд. Колоколь. 1904. Стр. 11.

ній ручной ткачъ давно уже умеръ съ голоду; въ Германіи дни ручныхъ ткачей также сочтены ¹⁾. Съ такою же послѣдовательностью происходитъ поглощеніе мелкой земельной собственности крупною. Мелкіе землевладѣльцы лишены возможности пользоваться примѣненіемъ машинъ, вслѣдствіе чего трудъ ихъ обезцѣивается, и сами они мало по малу превращаются въ пролетаріевъ. Въ Германіи въ 1882 г. сельскимъ хозяйствомъ занималось 19,225 т. человѣкъ; въ 1895 г. только 18,500 т.—значитъ на $\frac{3}{4}$ милліона меньше, несмотря на общій приростъ населенія въ 7 милліоновъ ²⁾.

Начавшійся процессъ концентраціи капитала и постоянный ростъ пролетаріата не могутъ идти въ безконечность. Какъ скоро капиталъ окончательно поглотитъ мелкихъ собственниковъ, между капиталистами и пролетаріатомъ неминуемо произойдетъ столкновение, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ котораго будетъ экспропріація, т. е. отнятіе имущества капиталистовъ въ пользу государства. Частная собственность на средства производства, т. е. на землю и капиталъ, будетъ объявлена собственностью общественной. Каждому человѣку будетъ предоставлено право собственности лишь на средства потребленія, т. е. на продукты, необходимые для существованія. Если мы представимъ себѣ, что всѣ собственники передали государству въ качествѣ вѣчнаго вклада свои земли и капиталы, съ правомъ вмѣсто процентовъ пользоваться продуктами, причемъ количество послѣднихъ зависѣло бы не отъ величины вклада, а отъ количества труда, то мы получимъ приблизительную картину будущаго соціалистическаго строя. Въ такомъ строѣ очевидно не можетъ быть мѣста теперешнему экономическому и соціальному неравенству; въ немъ не будетъ ни эксплуатаціи бѣдныхъ и слабыхъ богатыми и сильными, ни раздѣленія на классы, ни кризисовъ, ни всякихъ другихъ ненормальностей капиталистическаго строя. „На мѣсто буржуазнаго общества, говорятъ Марксъ и Энгельсъ, съ его классами и антагонизмомъ, возникаетъ ассоціація, въ которой развитіе cadaго является условіемъ свободнаго развитія всѣхъ“ ³⁾. „Прекратится борьба отдѣль-

¹⁾ Каутскій. Комментарій къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда. Стр. 20—21.

²⁾ Бебель. Академики и соціализмъ. Стр. 10.

³⁾ Капиталъ и коммунизмъ. Стр. 30.

ныхъ индивидуумовъ за существованіе. Въмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ, въ извѣстномъ смыслѣ, выйдетъ изъ животнаго состоянія и перейдетъ изъ животныхъ условій существованія въ истинно человѣческія условія. Лишь съ этого момента люди вполнѣ сознательно начнутъ сами творить свою исторію, и только, начиная съ этого времени, всѣ причины общественнаго характера будутъ вызывать и желательныя человѣчеству слѣдствія. Совершится переходъ человѣчества изъ царства необходимости въ царство свободы“ ¹⁾. „Мы, соціаль-демократы, восклицаетъ Бебель, желаемъ осуществить на дѣлѣ всеобщее братство. Идите же къ этому обездоленному народу съ проповѣдью социализма: съ идеалами равенства, свободы, знанія и полного человѣческаго существованія. Несите ему лозунгъ: *быть человекомъ*“ ²⁾. Такова миссія рабочаго класса. Но чтобы осуществить ее, онъ долженъ сначала приобрѣсть политическое господство, стать факторомъ закона. Къ этому и должны быть направлены всѣ его ближайшія цѣли.

Соціалистическія партіи. Соціаль-демократія и революціонный социализмъ.

Идеи марксизма нашли себѣ добрую почву среди рабочаго и отчасти интеллигентнаго класса и создали особую политическую партію, такъ называемую соціаль-демократію, которая, стараясь объединить около себя все трудящееся и эксплуатируемое населеніе, ставитъ своей задачей чрезъ пропаганду соціалистическихъ идей и проведеніе нѣкоторыхъ мѣропріятій ускорить процессъ классовой борьбы и окончательную побѣду пролетаріата. Конечную цѣль соціаль-демократіи, тахішум ея программы, составляетъ уничтоженіе собственности на средства производства, т. е. на землю и капиталъ, и обращеніе ихъ въ собственность общественную. Средствомъ для такого соціальнаго переворота служить „диктатура пролетаріата, т. е. завоеваніе пролетаріатомъ такой политической власти, которая позволитъ ему подавить всякое сопротивленіе эксплуататоровъ“. Сознвая однако невозможность осуществленія соціалистическаго строя въ бли-

¹⁾ Энгельсъ. Отъ утопіи къ научной теоріи. Стр. 34.

²⁾ Академики и социализмъ. Стр. 24.

жайшемъ будущемъ, вслѣдствіе незавершенности капиталистическаго процесса, социаль-демократическая партія ставитъ своей ближайшей задачей (minimum программы) проведение такихъ мѣръ политическаго и экономическаго характера, которыя благопріятствовали бы развитію классовой борьбы пролетаріата съ буржуазіей.

Эти мѣры слѣдующія: отмена всѣхъ косвенныхъ налоговъ и установленіе прогрессивнаго налога на доходы и наслѣдства, восьмичасовой рабочій день для всѣхъ наемныхъ рабочихъ, еженедѣльный непрерывный отдыхъ не менѣе 42 часовъ, полное запрещеніе сверхурочныхъ работъ и ночного труда, кромѣ технически необходимаго, воспрещеніе предпринимателямъ пользоваться трудомъ дѣтей, особенныя законодательныя мѣры для охраны труда женщинъ и подростковъ, государственное страхованіе рабочихъ на счетъ капиталистовъ, реорганизация и расширеніе фабричной инспекціи, воспрещеніе женскаго труда въ тѣхъ отрасляхъ, гдѣ онъ вреденъ для женскаго организма, устройство яслей при заводахъ и фабрикахъ, гдѣ работаютъ женщины, и т. д.

Всѣ перечисленныя здѣсь мѣры направлены не столько къ тому, чтобы улучшить положеніе рабочихъ, сколько къ тому, чтобы, по объясненію самой программы, предохранить рабочій классъ отъ физическаго и нравственнаго вырожденія и такимъ образомъ сдѣлать его способнымъ къ освободительной борьбѣ. Положительное улучшеніе рабочихъ занимаетъ здѣсь второстепенное, подчиненное мѣсто. Оно ни въ какомъ случаѣ не должно смягчать антагонизма классовъ, замедлять ростъ капитализма и пролетаріата и тѣмъ самымъ отодвигать достиженіе главной цѣли—окончательной гибели капиталистическаго строя. Рабочій классъ не долженъ черезчуръ увлекаться частичными завоеваніями и личными улучшеніями своего быта чтобы не усыпить въ себѣ чувства классовой вражды и сознанія своего великаго призванія. Неуклонно стремясь къ своей послѣдней цѣли, социаль-демократія считаетъ себя вынужденной иногда жертвовать ближайшими интересами рабочихъ, если эти интересы не стоятъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ ихъ главной задачей. На этой именно почвѣ возникло разногласіе въ социаль-демократической партіи по вопросу о профессиональных движеніяхъ. Въ то время какъ „меньшевики“ оказывали имъ поддержку, „большевики“ видѣли

въ нихъ уклоненіе отъ прямой задачи. Подобные конфликты въ социаль-демократіи будутъ повторяться постоянно. По той же самой причинѣ социаль-демократы всегда становятся въ обостренныя отношенія къ умѣреннымъ партіямъ, даже и тогда, когда онѣ проводятъ мѣры, повидимому, благопріятныя для рабочихъ. Но еще ярче сказалась эта тенденція въ отношеніи къ аграрному вопросу. Строго говоря, съ точки зрѣнія основныхъ принциповъ социаль-демократовъ въ ихъ программѣ не можетъ быть никакой рѣчи о крестьянахъ, какъ особомъ классѣ пролетаріата, отличномъ отъ рабочихъ. Капиталистическій процессъ, т. е. переходъ частной собственности въ немногія руки и постоянное увеличеніе пролетаріата, одинаково долженъ имѣть мѣсто какъ въ промышленномъ, такъ и въ земельномъ хозяйствѣ. Нашъ крестьянинъ, какъ бы мало ни имѣлъ онъ земли, является собственникомъ на средства производства, мелкимъ буржуа. Вслѣдствіе постепенной концентраціи земли крупными владѣльцами онъ долженъ превратиться въ батрака, т. е. въ пролетарія, и только тогда можетъ осуществиться социализація земли. Такимъ образомъ социаль-демократія не знаетъ крестьянина, какъ пролетарія, а знаетъ только рабочаго. Но въ тоже время желаніе пропагандировать свои идеи и въ средѣ крестьянъ заставило ее высказаться и по аграрному вопросу. Но тутъ ждало ее большое затрудненіе. Съ одной стороны по тактическимъ соображеніямъ она не можетъ отказаться отъ мысли улучшить бытъ крестьянина, съ другой стороны тѣ мѣры, которыя прежде всего запрашиваются въ этомъ случаѣ, идутъ въ разрѣзъ съ главными задачами партіи. На самомъ дѣлѣ увеличеніе крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ на счетъ государственныхъ и другихъ земель несомнѣнно отодвигаетъ назадъ капиталистическій процессъ въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, замедляетъ переходъ мелкихъ землевладѣльцевъ въ пролетаріатъ. А прикрѣпленіе земли къ общинѣ, лишаящее крестьянина права продать свою землю, прямо создаетъ непреодолимыя трудности для концентраціи земли. Вотъ почему с.—д. требуютъ „отмѣны всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ крестьянина въ распоряженіи его земель“. Вотъ почему они не сочувствуютъ дополнительнымъ надѣламъ путемъ выкупа частно-владѣльческихъ земель. Вотъ почему, наконецъ, конфискація государственныхъ,

удѣльныхъ и церковныхъ земель предлагается ими не для увеличенія крестьянскихъ надѣловъ, а для образованія „особаго народнаго фонда на культурныя и благотворительныя нужды сельскихъ обществъ“. Такое употребленіе конфискуемыхъ земель не препятствуетъ будущему превращенію мелкихъ земельныхъ собственниковъ въ пролетаріевъ. Другого отвѣта на аграрный вопросъ социаль-демократія дать не можетъ. И насъ удивляютъ попытки конституціоналистовъ-демократовъ убѣдить ее въ полезности своихъ проектовъ. Польза на ихъ языкѣ означаетъ вредъ на языкѣ социаль-демократовъ.

Вполнѣ понятно, что социаль-демократическая программа не можетъ вызвать къ себѣ сочувствія среди крестьянскаго населенія. Едва ли кому можетъ улыбаться перспектива пролетарія, хотя бы и покупалось этой цѣной будущее освобожденіе человѣчества. Такимъ образомъ у крестьянъ социаль-демократамъ дѣлать нечего. Въмѣсто нихъ здѣсь выступаютъ социаль-революціонеры. Не отрицая капиталистическаго процесса въ промышленной области и предоставляя рабочимъ ждать его естественнаго конца, они совершенно не раздѣляютъ надеждъ социаль-демократовъ на то, что тотъ же процессъ совершится и въ земледѣльческомъ хозяйствѣ. И это повидимому не безъ основанія. Даже самъ Каутскій, этотъ строгій марксистъ, въ послѣднемъ изданіи своего „Комментарія къ положеніямъ Эрфуртскаго съѣзда“ долженъ былъ сознаться въ поспѣшности своихъ прежнихъ выводовъ о ходѣ сельскаго хозяйства. „Лишь по одному пункту, говоритъ онъ, мнѣ пришлось нѣсколько измѣнить то, что было сказано въ предыдущихъ изданіяхъ: это относительно предположеній объ упадкѣ мелкаго сельскаго хозяйства. Мелкое крестьянское хозяйство разлагается не такъ быстро, какъ 20 лѣтъ тому назадъ; мѣстами оно даже развивается. Въ 1882 г. это еще не было такъ очевидно. По этому пункту мнѣ теперь пришлось выразиться нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ тогда“ ¹⁾. Не вѣря въ возможность естественнаго наступленія социализаціи земли, революціонный социализмъ считаетъ необходимымъ насильственное, революціонное отобраніе всѣхъ частновладѣльческихъ земель и передачу ихъ въ руки трудящихся массъ, но не въ собственность лицъ.

¹⁾ Стр. III.

а въ собственность общественную и „въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территориальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія“. „Въ случаѣ, если это главное и основное требованіе аграрной программы—*мінімумъ* не будетъ осуществлено сразу, въ качествѣ революціонной мѣры“, партія социаль-революціонеровъ въ своей дальнѣйшей политикѣ выступаетъ за переходныя къ нему мѣры, какъ напр.: расширеніе правъ общинъ по экспроприаціи частновладѣльческихъ земель, конфискація земель монастырскихъ, удѣльныхъ кабинетныхъ и т. п., обращеніе ихъ, какъ и государственныхъ земель, на дѣло обезпеченія общинъ достаточнымъ количествомъ земли, а также на нужды расселенія и переселенія; ограниченіе платы за пользованіе землею размѣрами чистаго дохода хозяйства; обращеніе ренты путемъ спеціального налога въ доходную статью общинъ и органовъ самоуправленія и т. д. По рабочему вопросу социаль-революціонеры предлагаютъ тѣже почти требованія, что и социаль-демократы.

Такимъ образомъ революціонный социализмъ на мѣсто естественной гибели капиталистическаго строя ставитъ независимый отъ капиталистическаго процесса революціонный переворотъ. Вводя въ свою программу насильственный переворотъ съ цѣлью непосредственнаго созданія коллективныхъ формъ труда и собственности, минуя длительный процессъ капитализма, онъ теряетъ характеръ научнаго социализма, по которому преобразование социальнаго строя представляется естественнымъ и неизбѣжнымъ концомъ совершающагося въ настоящее время экономическаго процесса. Революционный социализмъ становится въ аграрной своей части почти утопическимъ социализмомъ. Оставляя же въ неприкосновенности теорію капитализма въ рабочемъ вопросѣ, онъ вноситъ въ свою программу два не только противоположныхъ, но и фактически непримиримыхъ принципа. Что нибудь одно: или безъ социализаціи капитала невозможна социализація земли, или при социализаціи земли никогда не осуществится естественнымъ путемъ социализація капитала. Впрочемъ объ этомъ у насъ будетъ рѣчь впереди. Теперь отмѣтимъ лишь противорѣчивость и утопичность программы социаль-революціонеровъ.

Не имѣя нужды для достиженія своей конечной цѣли въ

превращеніи крестьянъ въ пролетаріевъ, с.-р. не видятъ особыхъ поводовъ возставать противъ частичныхъ улучшеній крестьянскаго и рабочаго быта. Поэтому они терпимѣе относятся къ другимъ политическимъ партіямъ, чѣмъ с.-д., которые даже къ с.-р. относятся иногда, какъ къ буржуазной партіи. Съ другой стороны не разсчитывая на естественную гибель капиталистическаго строя въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и считая единственнымъ средствомъ для социализаціи земли революціонный переворотъ, с.-р. по неволѣ вынуждены придать своей тактикѣ боевой характеръ. Они призываютъ населеніе къ вооруженному возстанію и прибѣгаютъ иногда къ террористическимъ дѣйствіямъ. Ими совершены убійства министровъ Плеве, Сипягина, великаго князя Сергѣя Александровича и др. Революціонный характеръ впрочемъ принимаетъ и русская социаль-демократія. Даже грандіозныя октябрьскія забастовки не разубѣдили с.-д. въ необходимости и возможности вооруженнаго возстанія. По крайней мѣрѣ составленная комитетами большинства и меньшинства 19 окт. прокламація гласитъ: „будемъ спѣшно готовиться, товарищи, къ вооруженному возстанію. Свергнемъ вооруженною рукою царское правительство и тогда временное революціонное правительство созоветъ всенародное учредительное собраніе, которое узаконитъ наши требованія“ (*Русск. Вѣдомости*). Такою тактикой с.-д. измѣнили принципу научнаго социализма, по которому гибель буржуазнаго строя должна произойти сама собой. Однако слѣдуетъ замѣтить, что революціонныя мѣры примѣняются ими къ осуществленію собственно политической, а не социальной части ихъ программы, и притомъ не могутъ быть поставлены въ счетъ всѣмъ социаль-демократамъ. Несомнѣнно, въ числѣ обѣихъ политическихъ партій есть люди, не раздѣляющіе грубо революціонной тактики ¹⁾.

¹⁾ Социалистическое движеніе во всѣхъ культурныхъ странахъ растетъ съ удивительной быстротой. Въ Германіи, напримѣръ, партія социалистовъ въ 1881 году получила 312,000 голосовъ, въ 1890 г.—1,427,000 голосовъ, а въ 1898 г.—2,120,000 голосовъ (Бebelъ, Академики и социализмъ, стр. 7). Въ Соединенныхъ Штатахъ въ 1892 г. социалисты, принимавшіе въ первый разъ участіе въ выборахъ президента, собрали 21000 голосовъ, на выборахъ 1896 г.—36000 голосовъ, а въ 1898 г. социалистическая

Въ революціонномъ социализмѣ мы видимъ грубое отступленіе отъ научнаго социализма, потрясающее главнѣйшія его основы. Но и въ нѣдрахъ самого марксизма мы наблюдаемъ въ настоящее время сложную внутреннюю работу, которая съ очевидностью показываетъ, что теорію социализма, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать чѣмъ то совершенно опредѣленнымъ, устойчивымъ и законченнымъ. Напротивъ для каждаго должно быть очевидно, что въ немъ происходитъ существенная эволюція, породившая уже разныя теченія и обѣщающая окончательный свой отвѣтъ на социальный вопросъ можетъ быть еще въ далекомъ будущемъ. Съ нѣкоторыми фазами этой эволюціи намъ необходимо познакомиться, прежде чѣмъ сдѣлать заключеніе о научномъ социализмѣ. Здѣсь лучше всего сказываются его слабыя стороны.

Социализмъ и свобода. Анархистскій социализмъ.

Какъ мы уже видѣли, Марксъ, Энгельсъ и другіе строгіе ихъ послѣдователи завѣряли, что обѣщанное ими царство будетъ прежде всего царствомъ свободы. Но это повидимому чистое недоразумѣніе. Въ социалистическомъ строѣ государство само распределяетъ между членами не только продукты, но и самый трудъ. А это стѣсненіе для многихъ кажется такимъ деспотизмомъ, въ сравненіи съ которымъ самый неограниченный абсолютизмъ представляется свободой: абсолютизмъ угнетаетъ одну сторону человѣческаго существованія, а социалистическій деспотизмъ парализуетъ дѣйствія всего человѣка. „Личность въ социализмѣ, говоритъ Спенсеръ, не принадлежитъ болѣе себѣ и не имѣетъ права извлекать выгоду изъ своихъ способностей; она принадлежитъ государству; государство ее содержитъ, но за то и руководить ею трудомъ“ ¹⁾. Повидимому между отрицаніемъ

рабочая партія располагала 82000 голосовъ. Въ 1900 г. американскій социализмъ владѣлъ 132000, въ 1902 г. 273000 голосовъ, а въ 1904 г. имѣлъ до полумилліона голосовъ. Глава республиканской партіи Маркъ Ханна говоритъ группѣ финансистовъ: „Вы, господа, хорошо сдѣлаете, если подготовитесь къ рѣшительной битвѣ, ибо все предвѣщаетъ, что одна изъ самыхъ страшныхъ катастрофъ, какую когда-либо видѣлъ міръ, вскорѣ разразится надъ Соединенными Штатами“ (Ж. Лонге. Ростъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ, пер. съ франц. изд. „Новая Заря“, 1905 г., стр. 7—30).

¹⁾ Основанія социологіи. Стр. 694.

частной собственности и признаніемъ личной свободы есть глубокое противорѣчіе. Еще Прудонъ писалъ: „частная собственность есть явленіе противузаконное; ее необходимо отмѣнить. Но когда мы уничтожимъ собственность, и все будетъ принадлежать всѣмъ, т. е. государству, личность будетъ порабощена. Поэтому не слѣдуетъ уничтожать собственность. Повидимому человѣчество находится въ заколдованномъ кругу“¹⁾. Даже сами проповѣдники „рабочаго государства“ не могутъ скрыть своихъ опасеній за цѣлость свободы при социалистическомъ строѣ. „Возникаетъ опасеніе, говоритъ Менгеръ, какъ бы эта государственная форма не злоупотребила своей громадной экономической властью для порабощенія отдѣльных лицъ. Не всякая экономическая выгода можетъ искупить ограниченіе индивидуальной свободы. Только тамъ, гдѣ затрагиваются важные экономическія интересы общества, можно подчинить дѣятельность гражданъ государственному принужденію. Въ противномъ случаѣ можно опасаться, что въ народномъ рабочемъ государствѣ могутъ найти широкое распространеніе индивидуалистическія теченія, подобно тому, какъ въ наше время распространеніе индивидуализма стало главной причиной распространенія социализма“²⁾. Правда, какъ теоретики, такъ и практики социализма стараются доказать въ послѣднее время, что социалистическій строй не противорѣчитъ принципу индивидуальности, что онъ будетъ оперировать не надъ людьми, а надъ вещами. Но какъ только вопросъ переходитъ на практическую почву, то ихъ успокоеніе внушаетъ мало довѣрія. Каутскій, напримѣръ, соглашаясь съ тѣмъ, что коллективистическій способъ производства не совмѣстимъ съ полной свободой труда, т. е. со свободой работать когда, гдѣ и какъ хочется, утѣшаетъ тѣмъ, что подобная свобода работника не совмѣстима со всякой планомѣрной, координированной дѣятельностью нѣсколькихъ лицъ, и что вообще съ гибелью мелкаго производства неизбежно связана и гибель свободы труда. Онъ далѣе признаетъ, что и при господствѣ крупной капиталистической промышленности рабочій сохра-

¹⁾ Галеви. Анархизмъ и социализмъ. Перев. Дав. и Вях. 1906. Стр. 15.

²⁾ Анархизмъ, индивидуалистическое и коммунистическое государство. Изд. „Демось“. 1905. Стр. 54.

няетъ извѣстную долю свободы труда: онъ можетъ промѣнять одну службу на другую; въ коллективистическомъ же обществѣ лишь одинъ „работодатель“, котораго нельзя перемѣнить; но успокоиваетъ тѣмъ, что въ сущности, сколько бы рабочій не мѣнялъ фабрикъ, онъ всетаки нигдѣ не найдетъ настоящей свободы труда. И вообще, по его мнѣнію, такая зависимость можетъ показаться невыносимой какому либо либералу, адвокату или литератору (!), но она не въ тягость современному пролетарію ¹⁾. Невольно хочется спросить: и только то? Другіе социалисты, напримѣръ Жоресъ, думаютъ, что коллективизмъ является не болѣе какъ переходной ступенью. Задачей его служить созданіе въ обществѣ такой высокой моральной и интеллектуальной силы, которая мало по-малу безъ всякихъ потрясеній могла бы замѣнить принципъ принудительной солидарности, единственно возможный въ наше время, принципомъ добровольной солидарности ²⁾. Но тутъ уже начинается чистая, хотя и благородная, утопія, и альтернатива Прудона: собственность или свобода, остается въ прежней силѣ.

Опасность потерять свободу, можетъ быть самая страшная изъ опасностей, заставила многихъ социалистовъ выдвинуть на передній планъ требованіе индивидуальной свободы, что внесло въ социалистическое движеніе глубокой расколъ. Въ немъ образовалось два теченія. „Одно изъ нихъ, говоритъ Галеви, теоретическое и догматическое, упрямо отстаиваетъ абсолютную истину извѣстныхъ принциповъ; педантичное, полное нетерпимости, оно сводитъ свою внутреннюю работу къ созданію организма, облеченнаго настолько сильною властью, насколько это возможно. Послѣ сорокалѣтнихъ колебаній и нащупываній оно наконецъ рѣшило основать въ Брюсселѣ международный комитетъ. Другое, болѣе жизненное и популярное, постоянно старается оживить инициативу и сознательность давно онѣмѣвшихъ массъ. Оно создаетъ много институтовъ: синдикаты, кооперативныя общества, народные университеты; вкладываетъ въ каждый изъ нихъ ярко выраженную идею независимости и каждый превращаетъ въ очагъ федерализма. Въмѣсто централизаціи власти оно тре-

¹⁾ Комментарій. Стр. 124—126.

²⁾ Галеви. Анархизмъ и социализмъ. Стр. 4.

буетъ раздробленія, разрушенія ея; оно отстаиваетъ автономность округовъ, общинъ, группъ, а иногда вмѣстѣ съ чистыми анархистами подходитъ къ объявленію индивидуальной независимости ¹⁾“. Въ то время, какъ одни социалисты стараются создать могучую государственную машину съ новыми Робеспьерами и Жюлями Гедми во главѣ, другіе наоборотъ, образуя союзы и синдикаты, стремятся отстоять вмѣстѣ съ экономической свободой и личную независимость. Они хотятъ жить по-человѣчески, а не стадами въ 50—100 милліоновъ. Они готовы сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: „человѣкъ не хочетъ болѣе организоваться, не хочетъ, чтобы его превращали въ машину. У него стремленіе къ дезорганизациі, къ дефатализациі, если можно такъ выразиться, всего, въ чемъ онъ чувствуетъ тяжелую руку фатализма или машинизма. Въ дезорганизациі цѣль борьбы, наша великая, славная задача“ ²⁾. „Нѣтъ, не будетъ у насъ общиннаго социализма“, объявилъ въ 1900 г. конгрессъ французской рабочей партіи ³⁾. Эта партія социалистовъ протягиваетъ руку анархизму и можетъ легко перейти въ него. Можно сказать, что анархизмъ есть родное дѣтище социализма. Социализмъ, желающій вмѣстѣ съ экономическимъ равенствомъ создать независимость личную, неминуемо долженъ склоняться въ анархизмъ. Хотя Марксъ въ своей „Нищетѣ философіи“ и сильно смѣялся надъ „Философіей Нищеты“ Прудона, но этотъ отецъ анархизма до сихъ поръ остается его опаснымъ соперникомъ ⁴⁾.

¹⁾ Анархизмъ. Стр. 22—23.

²⁾ Галеви. Анархизмъ. Стр. 24.

³⁾ *ibid.*

⁴⁾ Анархизмъ, ставитъ своей задачей прежде всего огражденіе личной независимости. „Наука всемогуща, говорить одинъ изъ родоначальниковъ анархизма, нашъ соотечественникъ князь Крапоткинъ, человѣкъ хорошъ и легко было бы жить, если бы не совершалось одно преступленіе: земля—источникъ богатства — захвачено горстью узурпаторовъ, человѣческій родъ оторванъ отъ природы, и теперь нужно, чтобы онъ возвратился въ свое жилище въ качествѣ господина. Но прежде всего онъ не долженъ довѣрять заботы о своихъ дѣлахъ правительству, даже демократическому. Политическіе дѣятели быстро образуютъ новый классъ узурпаторовъ. Необходимо, чтобы всякаго рода правительство перестало существовать на вѣки; необходимо, чтобы народъ пробудился разъ навсегда. Онъ самъ организуется, какъ ему нужно, по деревнямъ, по ули-

Соціализмъ и нравственность. Этический соціализмъ.

Эволюція марксизма идетъ не въ одномъ лишь вышеуказанномъ направленіи. Въ немъ пробита брешь и съ другой

камъ, по квартирамъ, онъ самъ раздѣлитъ жилища, съѣстные припасы, одежду (Галеви, Анархизмъ, стр. 10). Если соціализмъ, отвергая тысячелѣтіями освященные права частной собственности, въ то же время признаетъ необходимымъ удержать тысячелѣтіями выработанный государственный строй, то анархизмъ хочетъ построить совмѣстную жизнь людей на совершенно новыхъ началахъ. По нему въ ней не должно быть никакой принудительной власти, принудительныхъ законовъ и суда. Всѣ части анархистской организаціи—группы, общины, провинціи и областные союзы, должны зиждиться исключительно на свободномъ договорѣ участниковъ.

Возможность такого строя анархисты оправдываютъ ссылкой на существующія и теперь отношенія, которыя не подлежатъ никакому принудительному регулированію, напр. отношенія государствъ, отношенія между представителями власти (государство и церковь, правительство и парламентъ), отношенія между супругами и вообще между членами семьи. Въ большинствѣ случаевъ столкновенія, возникающія на почвѣ этихъ отношеній, разрушаются путемъ компромиссовъ, безъ всякаго внѣшняго принужденія со стороны власти и закона. Чтобы сдѣлать возможнымъ такой строй при сохраненіи частной собственности, безъ которой казалась немислимой свобода, старые теоретики анархизма доуускали прямо предположенія, превосходящія утопіи древнихъ соціалистовъ. Но новый анархизмъ подвинулся къ соціализму: онъ требуетъ коммунизма. Только распредѣленіе предметовъ потребленія, пищи, одежды, жилища, произойдетъ свободно образовавшимися группами. При чемъ территоріальная величина этихъ группъ, число ихъ членовъ, ихъ цѣли, опредѣляются свободнымъ рѣшеніемъ участниковъ.

Въ вопросѣ о распредѣленіи средствъ потребленія анархизмъ встрѣчается съ тѣми же затрудненіями и противорѣчіями, какъ и соціализмъ. Одни анархисты предлагали распредѣлить жизненные средства сообразно съ количествомъ затраченнаго труда, другіе представляютъ каждому пользоваться всѣми средствами по мѣрѣ потребности и лишь при ограниченности средствъ обращаться къ дѣлежу.

Легко видѣть, что, стремясь при соціальномъ строѣ сохранить личную свободу, анархизмъ еще въ большей степени, чѣмъ соціализмъ превращается въ золотую сказку. Какимъ образомъ при отсутствіи государства и закона можетъ быть раздѣлена вся масса мірскихъ благъ между свободно группирующимися группами, изъ которыхъ каждая, конечно, будетъ стараться занять наиболѣе плодородныя земли, наилучшія фабрики и жилища? Какимъ образомъ безъ власти и принужденія анархистскія группы могутъ распредѣлить между членами всѣ разнообразныя работы и занятія, когда каждый при полной свободѣ выбора захочетъ конечно избрать занятіе болѣе легкое, здоровое и пріятное? Не получатъ ли сво-

стороны. Нѣтъ такой силы, которая заставила бы человѣка примириться съ фатальною ролью въ исторіи, нѣтъ и силы, которая, наполнивъ его желудокъ, усыпила бы въ немъ нравственное влеченіе и идеалы. Эти то всегда присущія человѣку силы, проснувшись въ сознаніи самихъ представителей марксизма, грозятъ разрушеніемъ самой его сущности.

Соціализмъ Маркса и Энгельса вообще амораленъ. Этика, философія и религія—для того и другого пережитки старой идеологіи. По Энгельсу нравственныя понятія родились на почвѣ классовой борьбы. Любовь къ ближнему по нему не болѣе, какъ старая шарманка. Равенство будетъ установлено не моралью, а революціей ¹⁾. Спасеніе человѣчеству принесетъ не любовь, а эгоизмъ. Если марксисты и не отрицали существованія благородныхъ побужденій, то они не скрывали къ нимъ своего пренебреженія, и во всякомъ случаѣ отрицали ихъ вліяніе на ходъ исторіи. Они не допускали, чтобы нравственные добродѣтели могли хоть сколько нибудь измѣнить человѣческій строй и существованіе самихъ добродѣтелей ставили въ полную зависимость отъ экономическихъ условий. И до сихъ поръ многіе соціалисты называютъ справедливость и любовь „буржуазными добродѣтелями“. Эта точка зрѣнія совершенно послѣдовательна. Но она не долго оставалась единственною.

Новѣйшее, такъ называемое этическое движеніе оказало сильное вліяніе и на соціалистовъ. Оно заставило дать въ своихъ системахъ самостоятельное мѣсто нравственнымъ идеаламъ, нарушивъ такимъ образомъ исключительность экономическихъ силъ и законовъ въ исторіи человѣчества. Соціалистъ К. Шмидтъ, напримѣръ, оправдываетъ и допускаетъ самостоятельность этическихъ побужденій; онъ указываетъ слабость утилитаризма и эгоизма и доводитъ до того, что

бодные договоры въ скоромъ времени значеніе законовъ, если не формально, то фактически, какъ это всегда наблюдалось въ исторіи? Наиболѣе богатая и сильная группы не стануть ли стремиться подчинить себѣ и эксплуатировать меньшія группы, и не явится ли стремленіе установить гарантирующій независимость группъ общій государственный строй? На всѣ эти вопросы тщетно мы стали бы ждать отвѣта (см. подробнѣе. Менгеръ, Анархизмъ стр. 8—15).

¹⁾ Т. Массарикъ. Критика Марксизма. Стр. 15.

выступаетъ съ идеальнымъ требованіемъ личнаго самопожертвованія, не ожидая всѣхъ благъ отъ соціальныхъ институтовъ ¹⁾. „Кто въ настоящее время принимаетъ матеріалистическую теорію исторіи, говоритъ Бернштейнъ, тотъ обязанъ принимать ее въ ея наиболѣе разработанной, а не въ ея первоначальной формѣ, то есть, онъ обязанъ на ряду съ развитіемъ и вліяніемъ производительныхъ силъ и производственныхъ отношеній, вполне признавать и значеніе правовыхъ и этическихъ понятій, историческихъ и религіозныхъ традицій каждой эпохи“ и т. д. (Каутскій. Отвѣтъ Бернштейну. 1905. стр. 21). Одновременно социалисты и другихъ странъ, Жоресъ во Франціи и Баксъ въ Англіи, выступили на защиту этики. Жоресъ, напримѣръ, выступая противъ Лафарга, объяснялъ историческій матеріализмъ въ томъ смыслѣ, что идеями справедливости и равенства человѣчество владѣетъ уже съ первыхъ ступеней своего развитія, и что поэтому эти идеи всегда дѣйствуютъ въ немъ, какъ самостоятельныя соціальныя силы ²⁾. Это новое теченіе произвело глубокій расколъ въ средѣ марксистовъ, породивъ разногласія не только въ теоретической, но и въ практической сторонѣ социализма.

Сторонники новой, такъ называемой, критической школы марксизма, или ревизионисты выставляютъ теперь помимо экономическихъ новыя двигатели человѣческаго прогресса, — именно „этическія“ начала. Начала эти по ихъ взгляду зарождаются въ человѣческой душѣ ранѣе ея первыхъ сознательныхъ проявленій и никакимъ образомъ не могутъ быть выводимы изъ внѣшней экономической обстановки; они имѣютъ свою исторію, отличную отъ той грубой, матеріальной исторіи, которую только и признаетъ ортодоксальная школа марксизма. Не этическіе идеалы зарождаются на почвѣ существующихъ экономическихъ отношеній, а наоборотъ, какъ говорятъ критицисты вслѣдъ за Вольтманомъ, „экономическая необходимость опирается на этическія побужденія. Существующіе въ настоящее время способы производства и факты отдѣленія рабочихъ отъ производительныхъ силъ требуютъ обобществленія послѣднихъ, такъ какъ только при

¹⁾ Ibid. 16.

²⁾ Ibid.

такихъ условіяхъ можетъ быть удовлетворено требованіе моральнаго закона, согласно которому каждый членъ общества долженъ разсматриваться какъ самоцѣль, а не какъ простое орудіе“ ¹⁾. Здѣсь такимъ образомъ матеріалистическое толкованіе исторіи уступаетъ мѣсто идеалистическому міропониманію. Коллективизмъ является здѣсь не фатумомъ, не механическимъ слѣдствіемъ, экономической необходимости, а цѣлью и идеаломъ. Въмѣстѣ съ этимъ подвергается сомнѣнію фатализмъ экономического развитія. Соціалисты этого направленія начинаютъ думать, что капитализмъ при своемъ дальнѣйшемъ развитіи не содержитъ въ себѣ обязательныхъ тенденцій къ „изживанію“, что приспособляемость его растетъ и положеніе трудящихся массъ улучшается. а эксплуатація труда, несмотря на несомнѣнный ростъ капиталистическаго накопленія, уменьшается ²⁾. Отъ привнесенія въ соціализмъ этического элемента естественно измѣняются его идеалы и тактика. Онъ уже стремится къ побѣдѣ не классоваго человѣка, а общечеловѣка; онъ хочетъ „выдѣлить общечеловѣка изъ подъ толстыхъ слоевъ классовой ограниченности, покрывавшихъ идеальную его природу“. Классовая цѣль замѣняется принципомъ всеобщаго блага. Это побуждаетъ соціалистовъ этического направленія не обострять антагонизмъ классовъ, а напротивъ смягчать классовую вражду; они приглашаютъ къ сотрудничеству классы, проповѣдуютъ „соціальный миръ“, не сочувствуютъ рѣзкимъ переворотамъ. На этомъ настаиваютъ нѣмецкіе бернштейнціи и французскіе жоресисты. Бернштейнъ, воодушевляемый идеей „соціальнаго мира“, выражаетъ свое недовольство на слишкомъ рѣзкое отдѣленіе соціаль-демократовъ отъ демократическаго элемента общества. Жоресъ заявилъ, что „борьбу классовъ, которую мы фактически признали и теоретически провозгласили, эту борьбу классовъ тѣмъ не менѣе мы оставили въ сторонѣ, какъ не могущую опредѣлять нашего поведенія, нашей тактики, нашей каждодневной политики“ ³⁾. Фолькмаръ, одинъ изъ видныхъ нѣмецкихъ соціалистовъ, постоянно обнаруживаетъ стремленіе затуше-

¹⁾ Колловтай. Къ вопросу о классовой борьбѣ. 1905 г. Стр. 14—15.

²⁾ Ibid. 6.

³⁾ Ibid. 15—16.

вать, задержать классовый характеръ рабочаго движенія, онъ готовъ проповѣдовать пролетаріату умѣренность, разсудительность, взывать къ самообладанію, терпѣнію, самоотреченію и т. д. ¹⁾).

Спору ревизионистовъ и ортодоксалистовъ марксизма о значеніи классовой борьбы въ тактикѣ социализма и были посвящены главнымъ образомъ дрезденскій и амстердамскій конгрессы. Хотя на томъ и другомъ была осуждена ревизионистская тактика приспособленія и уступокъ, замѣняющая „революцію реформированіемъ буржуазнаго общества“, и хотя было рѣшено „отвергать всякія попытки къ затушевыванію все растущаго антагонизма классовъ, такъ какъ онъ облегчаютъ сближеніе съ буржуазными партіями“, однако расколъ въ социализмѣ конечно не прекратился и будетъ продолжаться всегда. На амстердамскомъ конгрессѣ, бывшемъ въ августѣ 1904 г., ортодоксальная тактика была принята 25 голосами противъ 5 при 12 воздержавшихся ²⁾).

В. Мышцынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Ibid. 16.

²⁾ Амстердамскій конгрессъ. Рѣчи Гада, Бебеля и Вальяна. Перев. Коцъ. 1905. Стр. 16.